

Н.А.НАТАРОВ

Социально-философские исследования

КЛЮЧ ПЕРЕСТРОЙКИ

**О характере нашей эпохи и адекватности
теоретического мышления**

Москва, 1991 год

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение в комплекс идей теории перестройки	с. 2
I. О характере нашей эпохи и адекватности теоретического мышления	с. 27
II. Некоторые выводы и дополнительные аргументы	с.
III. Организационная функция средств производства и организационная функция средств развития и другие проблемы	с.
IV. О социализме	с.
V. Является ли социализм утопией?	с.
VI. Обладал ли В.И. Ленин адекватным теоретическим потенциалом?	с.
VII. Заключение	

Введение в комплекс идей теории перестройки

Есть знаменательная аналогия между октябрём 1917 г., который полагали началом социалистической революции, и началом перестройки в 1985 г., получившей название революции в знаменитой речи М.С. Горбачёва в Хабаровске 31 июля 1986 г. В обоих случаях не было достаточных предпосылок. В 1917-м не было материальных предпосылок.¹ В 1991 г. стало уже отчётливо ясно, что для перестройки не было выработано адекватных теоретических предпосылок. Нет их и сейчас. И с этого надо сегодня начинать серьёзное отношение к перестройке.

Процесс социальной динамики отличается от естественного (природного) процесса жизни, а тем более, скажем, от аэродинамики или электродинамики. Движение общества совершается как взаимодействие людей (народов, государств, классов, социальных групп, партий), наделённых *субъективными* стремлениями, волями, идеями, интуициями и даже предрассудками, догмами. А результат столкновения этих сил приводит к тому, «**чего никто не хотел**»², то есть к состоянию, которое не зависит от персональных или групповых стремлений и идей и оказывается, таким образом, *объективным* результатом. Этот факт должен быть понят как крайне нежелательное явление, особенно сегодня, в наше время, когда осознана возможность гибели человечества.

ВС СССР³, публицисты, экономисты, политические лидеры... стремятся к тому, чтобы «накормить страну», и Парламент прилагает – во исполнение этой цели – все свои усилия, а в результате получится **то, чего никто не хотел...** Не преувеличена ли уверенность, что всё получится при тех подходах и методах, которые имеются?

Когда мы имеем дело с социальной динамикой, складывающейся из действия людей, то, чтобы не оказаться перед лицом ситуации, *которой никто не хотел*, – надо подвергнуть аналитическому и синтетическому исследованию все эти факторы: целеполагание, мировоззрение, методологию, логику, гносеологический аппарат мышления, научную концепцию, её адекватность эпохе, ценностные ориентации, концепцию богатства, социально-философскую концепцию человека и гуманизма, понятие об *интересах*...

Но у нас ни в обществе, ни в печати, ни в Парламенте никто, системно и систематически этим не занимается...

Когда просвещённые потомки (лет через 100) будут изучать и исследовать материалы, протоколы, видеозаписи событий наших дней (1989-1990 гг.), они с ИЗУМЛЕНИЕМ обнаружат ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ для их сознания *настрой* нашего интеллекта, который выражается в том, что наши политики, экономисты, публицисты ведут себя так, будто они достоверно ВСЁ ЗНАЮТ о том, *что* нашему обществу нужно и *как* этого достичь и что все они готовы, – если судить по их настрою, – и в 7990 г. и в 10990 г. мыслить «современно», то есть исходить из того, что «экономика определяет» политику... и психологию... и всё остальное.

Они (потомки) будут ИЗУМЛЕННЫ «хождением нашей мысли» в терминах: «экономика», «политика», «право», к которым в последние дни присоединилась ещё «культура», о которой в сущности никто ничего существенного не сказал и никак концептуально (социально-философски) не проанализировал этот феномен.

¹ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 380.

² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 396.

³ Верховный Совет СССР – законодательное собрание, парламент страны. (Прим. ред.)

Но больше всего они будут *поражены* тем, что мы не исследуем и **не развиваем своего собственного мышления** и, вооружившись традиционными понятиями и теорией, – выработанными **прошлой** историей и ушедшими по крайней мере 100, а то и 200 лет назад из жизни мыслителями, – стремимся понять **БУДУЩЕЕ?** Хотя эти понятия – сколок с ПРОШЛОГО! И были предназначены для понимания прошлого!

Конечно, история не делается на голом месте. Точно так же – старые теории и – традиционный категориальный аппарат в новых условиях (и для перехода в будущее) не утрачивают **окончательно** своего значения. Но, тем не менее, невозможно «в карете прошлого въехать в будущее».

В связи с этим сегодня в нашей стране чрезвычайно важна проблема ПОНИМАНИЯ того, что происходит – проблема адекватности теоретического мышления, ибо совершается не просто движение вещей, а – смена эпох, изменение Времени как формы осуществления социальной материи. – Для этого необходима социальная эвристика – особая культура социального мышления, способность РАЗВИВАТЬ мышление.

К сожалению, большинство пишущих о «перестройке», – как об этом позволяет судить структура текстов их мыслиеизъявления, – рассуждают так, что необходимо-де изменить лишь отношение к вещам («к собственности», – как они говорят), и тогда мы перейдём «к рынку». И этим людям КАЖЕТСЯ, что для этого достаточно осуществить некоторые юридические изменения, то есть произвести некоторые НАДСТРОЕЧНЫЕ манипуляции, и мы тут же окажемся в новом социуме. – Конечно же, – это иллюзии, «юридический фетишизм», источником которого является «экономический фетишизм» (известный ещё как «товарный фетишизм»). – Сбивает с толку ещё и формула, согласно которой реформа состоит в том, чтобы перейти от командно-административной системы к экономическим методам хозяйствования. Но дело в том, что командно-административное управление не может быть ни выше ни ниже экономических отношений и, **как надстроечная функция**, остаётся в принципе целиком в зависимости от экономической детерминации хозяйственной деятельности, если иметь в виду нормальное видение дел. Другое дело, что администрирование может быть аномальным... как оно часто и было из-за теоретического дундукизма, некомпетентности и безразличия управляющих к социуму в целом.

Задачи нашей перестройки не могут быть осуществлены тем, что мы как общество попытаемся наши **экономические** проблемы решить **экономическими** методами... как невозможно самого себя поднять за волосы! Этого почему-то никто не понимает! Положение таково, будто мыслящая часть нашего общества впала в состояние «экономического ослепления»: все гипнотизируют друг друга беспрестанным повторением *упований* на экономику. Кризис экономики – явление, историческое и всемирное. Его невозможно разрешить экономическими методами! К этой проблематике нам сегодня надо хотя бы повнимательнее присмотреться, коль уж не смогли понять сути истории из критики политэкономии Маркса. Ибо там, где экономические проблемы решаются, то решения достигаются НЕ за счёт применения экономических методов, а за счёт включения других, неэкономических, материальных общественных отношений: семейных, социокультурных... при участии экономических стимулов и интересов, при важнейшей роли биологических процессов природы.

Главный тезис экономистов гласит, что они стремятся получать наибольшие результаты при наименьших затратах. (Это – **экономический миф**, ибо *тезис этот противоречит законам сохранения*. За получение пресловутого «экономического эффекта» мы расплачиваемся накоплением предпосылок экологической катастрофы, ухудшением здоровья и повышением

смертности людей. Сошлюсь только на одну из последних публикаций «А убийцы здесь тихие...»⁴, в которой рассказывается, как в Мордовской АССР, в реке Алатыре рыбаки выудили леща, начисто лишённого чешуи, а за ним – безглазого окуня. А когда химическому анализу подверглись волосы, состриженные с детских макушек, то стало не по себе, испугались, ибо, как и на клумбе против здания Совмина республики, содержание ртути превышало предельно допустимые концентрации в 70 раз и в избытке были хром, никель, мышьяк, сурьма, свинец и даже серебро. Даже один атом тяжёлых металлов может служить причиной нежелательных мутаций в человеческом организме... в потомстве...

Если философски оценить то, что происходит в нашей стране, в 1989-1990 годах, то можно сказать (используя слова историка Н. Эйдельмана, отнесённые им к другому историческому периоду России): «Здесь всё не так, и непонятно как».⁵

Постараемся, однако, понять, что же происходит. По оценке «Московских новостей», ситуация выглядит так: «экономическая реформа не только провалилась, но и закончилась глубочайшим кризисом»⁶.

Налицо ситуация, которой *никто не хотел*.

И возникает вопрос: «А не произошло ли это из-за того, что мы сами себя хотели поднять за волосы: *экономические проблемы решить экономическими методами?!*». Не заключается ли причина неудач в том, что мы не понимаем нашу эпоху?! А следовательно, и действуем неадекватно?

Да. Причина именно в том, что мы не понимаем эпоху, в которую вступили, но которая ещё не вполне выкристаллизовалась. С эпохи ещё нельзя снять прямую кристаллограмму. Но устремлять наш интеллект в этом направлении необходимо... А мы действуем *так*, будто прежняя эпоха (ознаменованная именами Адама Смита и Карла Маркса) остаётся вполне правомочной и соответствующие ей методы вполне эффективны. Иллюзия!

Прежняя эпоха имела в качестве своей субстанции экономику, то есть – труд, производящий товары, и причём – производящий ТАКИМ ОБРАЗОМ, что двуединая сущность всего того, что производилось – ТОВАРООЛИЦЕТВОРЯЛОСЬ: всё, что производилось, имело меновую и потребительную стоимость! Вот на этом-то мы и споткнулись в нашей «перестройке».

Нас подвела ДВОЙСТВЕННОСТЬ социальной субстанции, какой она была в прошлом. Сущность же новой эпохи, которая только выкристаллизовывается (но уже является актуальной силой!) состоит в том, что её субстанция ТРОЙСТВЕННА: *производство* здесь должно быть понято и быть реализовано как процесс, созидающий не только потребительные стоимости и не только меновые стоимости, но **ещё и ЦЕННОСТИ** – в их человеческой и социально-культурной сущности. И эти последние обладают приоритетной значимостью!

Наша же психология и идеология исходила и исходит до сих пор из того, что **двойственность субстанции социального бытия определяла и определяет до сих пор характер нашего социального мышления**: оно имеет ТОЛЬКО два параметра: благо в натуральной форме, стоимость в меркантильной форме. «А что сверх того, то от лукавого». Вот

⁴ См. «Правда» от 18/XII-90, с. 3.

⁵ Эйдельман Н. Первый декабрист. – М.: Политиздат, 1990, с. 30.

⁶ См. Гуревич В. Станет ли Рыжков вице-президентом? – Московские новости, № 48 от 2 декабря 1990 г.

это-то и вызвало кризис через 6 лет после начала «перестройки». Мышление лиц и сил, стремящихся организовать перестройку, неадекватно современной эпохе *как становящейся целостности*. Поскольку СТАНОВЯЩУЮСЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ нельзя разглядеть *визуально*, принялись действовать в соответствии с моделью и параметрами старой целостности общественно-производственных отношений, и назвали это «перестройкой». «Шумим, братец, шумим!» – как говаривал грибоедовский Репетилов. И хорошо, право, что принялись действовать, как могли, ибо без этого не удалось бы осмысленно воспринять, т.е. *понять* слова Альберта Эйнштейна о том, что экономическая наука способна пролить очень незначительный свет на социалистическое общество будущего. Но тем не менее, нелепо и смешно (когда бы не было так грустно!), что будущее, пытаются у нас осмыслить в категориях прошлого исторического времени.

Всё ещё нет понимания, что на какую бы сторону упомянутой ДВОЙСТВЕННОСТИ у нас ни делался акцент (то ли на потребительную стоимость, то ли на меновую стоимость), мышление и методология перестройки всё равно останутся архаичными и неадекватными.

Во времена, когда ПЛАН явно доминировал над рынком, мышление, психология ориентировались на *блага* (вещи, предметы, способные удовлетворить ту или иную предметную потребность), в надстройке такой системы мы чаще всего имели тоталитаризм.

Когда же мышление ориентируется на РЫНОК и акцент, тем самым, делается на меновую стоимость (отвлекаясь в какой-то мере от предметности), то тогда в надстройке такой системы, как полагают, будет преобладать стремление к демократии.

Таким образом, чтобы перейти к демократии, необходимо иметь развитую систему меновых отношений, имеющих самостоятельное значение и самооценность, что может сложиться только в результате длительной исторической эволюции, как было в Западной Европе, начиная с XV-XVI веков.

У нас эта историческая тенденция и началась позже (при Петре I) и была прервана Великим Октябрем, который выдвинул на первый план **примат потребительной стоимости вещи**, сосредоточил психологию масс людей, стоящих в очередях, на вопросе «что дают?», а все «хитрости» предпринимательства, экономизма, меркантилизма остались за пределами массового сознания, да и не только массового... Поэтому-то экономическая реформа и попытки её ввести (1985-1990 гг.) у нас *не пошли*: у масс не было ТОГО массового интереса, который для этого необходим.

Психология человека Запада сосредоточена не на том, «что дают?», а на том, «что завтра будет в цене?» – чтобы знать, *что* производить.

Но в любом случае (сосредоточена ли общественная психология на потребительной стоимости товара или же она сосредоточена на его меновой стоимости) – это будет экономическая система производства... производство экономического типа... только с разной акцентировкой...

Эпоха же требует ...от всего человечества ...перейти к новой типологии производства, которая выше экономического детерминизма. Вот этого-то у нас до сих пор и не умели понять!

В чём у нас до сих пор состояла «перестройка»? В том, чтобы попытаться сделать акцент на другой стороне отношений сферы товарного детерминизма – на меновой стоимости. Но надо сказать, что этот аспект в России не имеет той притягательности, которая характерна для Запада. Не случайно у В.И. Ленина в его статье «О значении золота» (а золото – это символ меновой стоимости) обронено замечание о том, что в будущем из золота предполагалось построить род

отхожих мест на улицах крупнейших городов мира.⁷ То же отношение мы находим в очерках М.Горького («Город жёлтого дьявола»). И это в течение десятилетий играло свою психологическую роль.

Сам факт, что в нашей социальной теории субстанция общества мыслилась только как система, имеющая **только две стороны** (и что «третьего не дано») порождает специфический «мыслительный тупик» наших дней.

Известный у нас экономист Н. Шмелёв высказался (целиком в духе этого тупикового мышления) в том смысле, что сегодня нашей стране не из чего и нечего более выбирать: «либо лагерь, либо рынок».

И он далеко не одинок в таком толковании современной социально-исторической ситуации. И это – **поразительнейшая примета наших дней**: *будто все теоретически ослепли*, потому... потому что экономически заиклились... ибо *дошли до пределов традиционного ума*, и «дальше ехать некуда».

Поразительно то, что никто не видит иного пути **как только к рынку** (или же опять – в лагерь, под власть административно-командных надсмотрщиков)! «Или – или»!

Причина такой узости взгляда – следствие специфического *гносеологического парадокса*: с одной стороны – метафизическая методология мышления, а с другой – «экономическое обалдение».

Тот, кто непредвзято штудировал «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса, должен был бы запомнить, что люди с метафизическим складом мышления строят свою мысль по формуле «или – или». Метафизики, по Энгельсу, это те, во-первых, кто не улавливает всеобщей связи вещей, явлений, процессов, и, во-вторых, не схватывает, что мир вообще и социум, в частности, – **РАЗВИВАЕТСЯ**. *Развиваться*, в данном контексте, значит обладать способностью приобрести новую атрибуцию, новое качество – преодолеть экономическую детерминацию, перейти в новую МЕРУ качества. А «экономическое обалдение» – это такое догматическое состояние интеллекта, согласно которому общество ВСЕГДА (и ныне, и присно, и во веки веков) обречено на то, чтобы быть экономически опричиненным.

Гносеологический парадокс, о котором выше было упомянуто, имеет своим «фундаментом» иллюзию-убеждение, что труд, производящий товары (и, следовательно, имеющий двойственный характер), есть вечная и неизменная субстанция общества и в качестве **ТАКОВОЙ** обуславливает адекватное ему мышление. Это «мышление» просто не может быть выше предассудка о вечности двойственности характера труда, производящего товары.

Поскольку общественное бытие (формируемое трудом) определяет характер и содержание общественного сознания (его цели, методы и иные характеристики), то на основе традиционного общественного сознания мы не в силах познать природу будущего общественного бытия, к которому должны прийти в результате «перестройки».

То есть мы не можем преодолеть состояние «мыслительного тупика», если труд априори мыслится как имеющий двойственный характер на веки веков... Мы даже понять не можем, что находимся в гносеологическом тупике, обусловленном двойственным характером труда как (БУДТО БЫ) субстанции нашего (*перестраивающегося*) общества!

⁷ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 225.

В этом и состоит «гносеологический парадокс».

Чтобы преодолеть парадоксальное (тупиковое) состояние СООТНОШЕНИЯ общественного бытия и общественного сознания, в котором мы находимся, нам надо НАКОНЕЦ понять *действительную* сложность жизни нашего общества и **не подменять более** эту *действительную* жизнь ИДЕОЛОГЕМОЙ об определяющей роли экономического базиса по отношению к политической и юридической надстройке.

Со времён «Краткого курса» (и, видимо, ещё раньше) у нас совершенно не понимают, что экономические отношения непосредственно определяют лишь политику и право, а **НЕ ВСЮ жизнь общества**, ибо ВСЯ жизнь устроена гораздо сложнее. Правда, *опосредствованно* (через политику и право) экономика влияет и на другие составляющие материального фундамента социальной жизни – на способ производства и воспроизводства действительной жизни⁸, но это уже другой вопрос – другой аспект *выяснения* сути дела: экономика первична ЛИШЬ в отношении к своей надстройке, а НЕ непосредственно ко ВСЕЙ материальной и духовной жизни социума!

Материальный фундамент ВСЕЙ социально-исторической жизни общества гораздо сложнее и сегодня должен быть понимаем как сложносоставное **материальное образование**, в котором содержится **ТРИ разряда материальных отношений**, а не один разряд экономических отношений, как это обычно полагается и понимается.

Уже в 1884 г. (т.е. когда капитализм не достигал ещё современного уровня зрелости и когда ещё и в помине не было феноменов современной НТР⁹) Ф. Энгельс отмечал, что производство и воспроизводство непосредственной общественной жизни «бывает *двоякого* рода. С одной стороны – производство средств к жизни..., с другой – производство самого человека, продолжение рода»¹⁰.

С тех пор прошло почти 110 лет, и сегодня в составе производства и воспроизводства непосредственной общественной жизни просто необходимо выделить **третий разряд** материальных жизненных отношений, новый разряд, который складывается на наших глазах. Это **производство новой культуры труда**, становление которой обусловлено тем, что НТР овладела не только самыми совершенными способами трансформации **вещества** и **энергии** (кои совершались и в XIX веке), но и технологией переработки, хранения и накопления информации, трансформирование которой и извлечение ЦЕННОСТЕЙ которой позволяет овладеть процессом РАЗВИТИЯ самой субстанции общества – процессом развития ТРУДА.

Таким образом, **если традиционно** в фундаменте общества **надо было** различать: 1) производство средств к жизни (и, следовательно, производственные отношения); 2) производство человека, продолжение рода (и, следовательно, кровнородственные, семейные отношения), **ТО сегодня** к этим двум разрядам *фундаментальных* (= материальных) отношений социальной субстанциональности надо добавить (и включить в само ПОНИМАНИЕ социума) ещё и третье: ОТНОШЕНИЯ РАЗВИТИЯ самой субстанции общества – отношения развития труда, понимая это как становление новой культуры труда. Таким образом, **если традиционно** ПРОИЗВОДСТВО понималось **сугубо экономически**, то есть – как производство потребительных стоимостей в

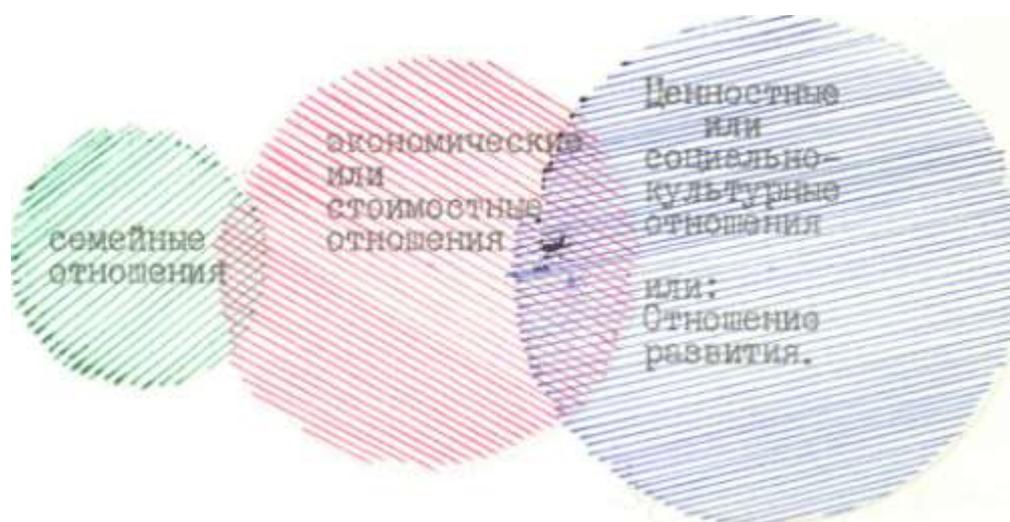
⁸ Эта формулировка природы определяющего момента истории дана Ф. Энгельсом в конце его жизни (в 1890 г.). (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394. Энгельс здесь сужает экономический материализм рамками классового общества.)

⁹ Научно-технической революции (*прим. ред.*).

¹⁰ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 25-26. Курсив мой – Н.Н.

товарной форме, обладающих определённой меновой стоимостью, а значение семьи как подчинённых отношений – нивелировалось, – ТО сегодня в фундаменте общества, кроме **стоимостных** отношений, надо выделять ещё два разряда: **семейно-родовые** (кровнородственные) отношения, – которые считал необходимым учитывать уже Ф. Энгельс, – и *ценностные*, которые до сих пор никто не считал необходимым учитывать, ибо развитие ТРУДА до сих пор не принято считать фактором производства. И сегодня, вообще говоря, мало кто знает, что такое *развитие труда*, что это за феномен. Однако без такого понимания субстанциональных отношений общества наше мышление о перестройке просто не будет адекватным эпохе, в которую вступает человечество.

К сожалению, в практике и в поисках понимания природы нашего общества, как ориентирующегося на социализм, такой подход отсутствует, и всё сводится к экономике, т.е. к отношениям производства, распределения, обмена и потребления товаров. Такое мышление, конечно же, одномерно и неадекватно. А чтобы адекватно понимать субстанциональность общества, в котором мы живём, предлагается следующая графическая модель:

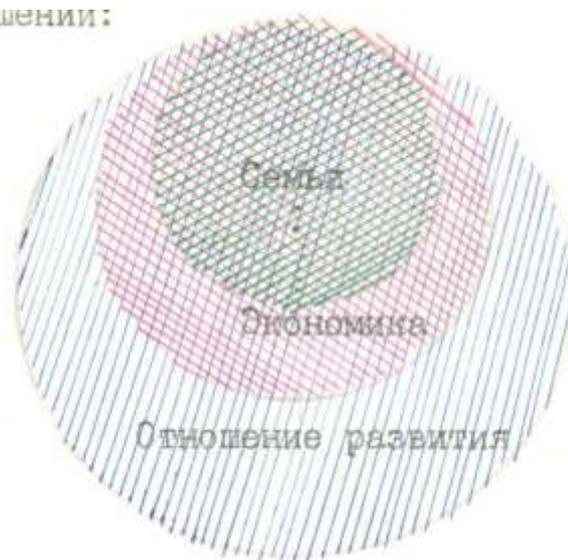

Из этой графической модели видно, что экономические отношения **НЕ** составляют **единственную** материально-субстанциональную основу общества. А это значит, что практика управления обществом как процессом *историческим* (и, следовательно, «перестройка») должна опираться на **значимость** и **содержание** **ВСЕХ** трёх разрядов субстанциональных отношений, от которых зависит достижение состояния «ПРОИЗВОДСТВА действительной жизни».

Далее уже недопустимо сводить *производство* к фабрикации пресловутых «материальных благ», ибо социальное созидание, устремлённое к будущему, включает не только заботу о товарах, но и заботу о всех компонентах феноменологии общественной жизни: типологию ассоциации людей, типологию личности, типологию труда, типологию богатства...

При таком понимании ПРОИЗВОДСТВА, – если мы эвристически думаем о перестройке, – чрезвычайно важно, как мы спланируем и организуем систему *обратных связей* этого надэкономического (= метаэкономического) целого. Иерархия обратных связей должна быть такой, как обозначено в следующей модели, где «чем больше круг – тем больше значимость обозначаемых им отношений»:

шении:

Как мы понимаем, как видим существующую ныне ситуацию (если иметь в виду нашу публицистику и наши парламентские структуры), осмысливая меры по улучшению дел в стране?

Невольно, не осознавая действительной сложности, наше мышление исходит из экономики. Исходить же надо из ВСЕХ трёх разрядов субстанциональных отношений, которые по существу (в эволюционном плане) есть порождение трёх типов труда, исторически надстраивающихся друг над другом.

Можно сказать, что семья как система отношений – это первый исторический тип труда.

Экономика – это второй исторический тип труда, который вбирает в себя первый.

А третий исторический тип труда, вобрав в себя первый и второй, отличается тем, что его целеполагание сосредоточено на развитии труда.

1. Труд, добывающий потребительные стоимости и производящий естественно-универсальную личность
(Семья)

2. Труд, производящий товары и формирующий субъектов товаропроизводства (субъекта-инициатора и субъекта-исполнителя) – расщеплённую личность
(Экономика)

3. Труд, производящий ценности и формирующий универсальную личность (труд, генерирующий новые идеи и новые отношения)
(Новый социум)

Таков действительный базис общества, к которому мы должны прийти в результате перестройки.

А если этот действительный базис таков, **то и надстройка** (и её управляющая функция!) не должна более пониматься традиционно и сводиться главным образом и в первую очередь только к политическим и юридическим структурам, учреждениям, идеям и функциям **и должна, наконец,**

быть понята как неизмеримо более сложное явление – как производное от всех трёх разрядов субстанциональных отношений!

Сегодня же, поскольку мы имеем кризис экономики, то неизбежно, *как следствие*, это сопровождается кризисом политики и кризисом юридических структур и – всех попыток путём юридических и политических ухищрений поправить дела в стране. Замечание о том, что «советский политический механизм показал себя в ходе перестройки неэффективным»¹¹, – имеет своей причиной то обстоятельство, что ДЛЯ перестройки эффективной может быть только такая надстройка, которая интегрирует в себе функции всех трёх субстанциональных систем. Мы не понимаем, что экономика – это репродуктивно-заикленная система: мы плохо знаем Маркса, который давно доказал, что, производя хлопчатобумажные, шёлковые и шерстяные ткани (и все другие вещи, которые производятся), экономика **ВОСПРОИЗВОДИТ и те производственные отношения**, при которых она производила эти вещи в предшествующем цикле производства.

Нам же, – *по самой логике перестроечного целеполагания*, надо ПРЕОДОЛЕТЬ эту репродуктивную заикленность производства! Чтобы это понять, надо просто иметь под черепной крышкой достаточную толику творческого интеллекта. Но когда мы позволим этому ПОНИМАНИЮ проникнуть в наши головы, то это будет означать понимание того факта, что проблемы нашего общества (проблемы нашей экономики, в частности) **являются экономически нерешаемыми проблемами**. Ибо экономика, по природе своей, есть репродуктивно-заикленный процесс! И именно по этой причине экономическая компетентность наших уважаемых экономистов (Л.И. Абалкина, В.А. Медведева, Н. Шмелёва, С.С. Шаталина, Г.Х. Попова и других) является, **при всей её необходимости**, недостаточным условием для того, чтобы разобраться, что происходит с нашей страной **в нашу эпоху** и дать адекватную теорию и методологию решения наших проблем. Просто эти проблемы являются проблемами, которые выше экономической компетентности. Только и всего! Так что обращение нашего уважаемого Правительства к нашим уважаемым экономистам оказалось обращением не по тому адресу...

Подтверждением этого может служить отрывок интервью западного экономиста З.Альфандери журналу «Пари-матч».

Далее следуют вопросы корреспондента «Пари-матч» и ответы З.Альфандери:

– Вы провели на подмосковной даче беседы с ведущими экономическими советниками Горбачёва, а также с западными экспертами. Какой диагноз сформулируете Вы в отношении Советского Союза?

– Я сейчас настроен ещё более пессимистически, чем восемь месяцев назад. Никто больше не контролирует ситуацию. Это нечто беспрецедентное. Никогда ещё экономисты не сталкивались с подобными проблемами. Большинство из них, побывав в Советском Союзе и проанализировав кризис, срочно оттуда уезжают...

– Что же делать?

– Выхода нет. Надо бы принять конкретные меры, которые принесут результат. Но это невозможно. Во-первых, неясно, какие именно меры нужно принять. Во-вторых, нет возможности проводить их в жизнь. Бюрократия некомпетентна, а номенклатура не хочет по-настоящему проводить реформы, грозящие обернуться против неё. Даже если бы бюрократия согласилась проводить утверждённые меры, они не принесли бы никакого результата. Она столкнулась бы с умонастроением советских граждан, которые ничего не понимают в рыночной экономике, боятся

¹¹ См. И. Антонович. Стратегия дележа. «Советская Россия», 1991, 4 января, с. 3.

её, а кроме того, не испытывают желания ни брать на себя ответственность, ни приобретать имущество. Более того, они не доверяют своим руководителям...

– ...которые являются реалистами. Они знают то, о чём Вы говорите.

– Все, включая члена Президентского совета Шаталина и помощника Президента Петракова, высказываются исключительно пессимистически и трезво. Но они ничего не предлагают. Петраков сказал нам: «Никто больше не верит в старую систему, но никто и не знает, что делать».

– Что они сделают в ближайшее время?

– Они озабочены прежде всего снабжением городов. Петраков и Шаталин объяснили нам, что будущее зависит от хода событий в ближайшие два-три месяца. Они просят, чтобы Запад сам контролировал доставку продовольственной помощи по назначению. Они предпочитают параллельные каналы распределения, опасаясь «чёрного рынка». Они хотят, чтобы мы распределяли продовольствие сами: разговоры идут даже о создании бесплатных столовых для нуждающихся.

– Что Вы им предложили?

– Перевести как можно скорее всю советскую экономику на денежную основу. Например, децентрализовать рынок кредита для сельского хозяйства. Советскому правительству следует создать систему, скопированную с нашей системой взаимного кредита банка «Креди агриколь». Сами земледельцы должны управлять своей деятельностью, а главное – распределением кредитов.

– Но этого недостаточно. Нужно придумать ещё что-то...

– Мне кажется, что к этой обременённой экономике нужно применить методы, которые мы использовали при зарождении капитализма. Поэтому нужно вернуться на 200 лет назад. (Будто это возможно. – Н.Н) Создадим в Москве институт Адама Смита: он первым в XVIII веке не стал отделять экономических механизмов от социально-политических. К ситуации в СССР нужно подходить именно так, на старый лад. Здесь нужен глобальный ответ. В этом институте должны работать лучшие умы Запада, которые определяют приоритеты, а также наиболее эффективные средства и механизмы, способные вывести СССР из этой беспрецедентной ситуации.

– Но ведь для этого потребуется время...

– Горбачёв должен довести до сознания советской общественности, что дела хватит на 20-30 лет. Иллюзорно внушать мысль о том, что благодаря каким-то мерам или модернистским реформам Советский Союз быстро выйдет из хаоса¹².

При осознании проблем нашего общества необходимо проникнуться особым типом мышления и понимать, что это – не только наши *локальные* (касающиеся территории и народонаселения СССР) проблемы, но ещё и – проблемы конца XX века, то есть такие, которые затрагивают судьбы всего человечества, что это проблемы эпохи, проблемы исторического Времени.

Но такого мышления у нас пока нет. Все наши усилия устремлены преимущественно в сферу законодательства. Мы уже начинаем принимать законы о законах, законы о

¹² См. Аргументы и факты, 1990, № 52, с. 3.

законоутверждении (т.е. – законы в квадрате¹³), ибо видим бессилие законов. На этом пути мы можем прийти и к «законам в кубе», т.е. к законоутверждению закона о законе (о механизме его действия, как у нас говорят).

Но законы часто бессильны не почему-либо, а потому, что мы неадекватно понимаем субстанцию социума, к которому должны (в силу исторической необходимости!) перейти. Мы не сформулировали идей, которые захватили бы народные массы своим возвышающим потенциалом, вдохновили бы их на великое. Неужели «идея» о том, чтобы «нажраться», насытиться, является такой, которая могла бы вдохновить великий русский народ, да и другие народы нашей страны?!

В стране не оказалось личностей лидеров, способных генерировать новые идеи такой проникновенной силы, чтобы они стояли на уровне требований эпохи. И уж совсем скандальная ситуация, когда один из уважаемых экономистов заявил корреспонденту ЛГ, что у него в голове за всю его жизнь не родилось ни одной новой идеи и что он гордится этим. Не менее плачевно выглядит и новый учебник политической экономии, изданный в 1989 году. И всё это никого не взволновало, никто, как говорится, и ухом не повёл.

Область надстройки (особенно – духовно-теоретической!) чрезвычайно важна, когда мы говорим об обновлении социализма, о возрождении страны. Но как же этого достичь, если новые идеи не генерируются, не выдвигаются, не обсуждаются, и нам рекомендуют вернуться к Адаму Смиту?!

Ныне, в перестроечном процессе, назрела необходимость и НАДСТРОЙКУ понимать **более универсально** и более обновлённо по сравнению с «Критикой Готской программы» и книгой «Государство и революция».

Кроме политики и права как моментов, производных от экономики, сегодня необходимо понимать и знать возросшую роль семейно-родовых отношений (негативные следствия их неразвитости, их деформаций), ибо сегодня это фактор субстанциональной значимости и неизбежно обладает потенциалом надстроечного характера.

Но этот потенциал не актуализирован и не используется обществом, объявившим о своей ПЕРЕСТРОЙКЕ.

Аналогичная картина – и в аспекте **ценностных отношений**, то есть – *отношений развития*. Как вообще в современную эпоху ставить вопрос о РАЗВИТИИ общества, ничего не зная об **отношениях развития** и не опираясь на них?! Поскольку **отношения развития** представляют собой фактор субстанциональной значимости, сосредотачивают в себе основополагающие отношения социального целого, которое грядёт, то они неизбежно обладают и потенциалом надстроечной активности. Но этот потенциал также не актуализирован и не используется обществом для своего обновления.

Наши управленческие структуры налегают на политику и право. А те не работают, ибо их фундамент (= экономика) – в кризисе, и собственными силами выйти из него не могут.

До каких же пор мы будем пребывать в состоянии политико-юридического гипноза? Не пора ли «протереть глаза интеллектуального зрения» и понять, **что только на почве нового видения базиса сегодня необходимо формировать и новую структуру надстройки**. Надстроечные структуры, производные от семейных (кровнородственных) отношений, должны

¹³ См., например, в «Правде» от 8 января 1991 г., с. 1; «Советская Россия» от 5 января 1991 г. – «Закон РСФСР об изменении закона...»

взаимодействовать с политикой и правом (учитывать их связь с экономикой) и искать «развязок» в надстроечных структурах, производных от **отношений развития**. Тогда нам и покажется свет в конце тоннеля. И ещё: слишком неопределён сам этот часто употребляемый штамп «кризис экономики». Все его употребляют, но никто не углубляется до уточнения, *каков* этот кризис, что подразумевают под термином, **какую сторону дела имеют в виду**: товарную или человеческую, локальную или историческую.

Чаще всего имеют в виду товарную сторону этого кризиса (и игнорируют человеческую, деятельностную), подразумевают локальную, территориальную сторону, т.е. нашу страну, и игнорируют историческую сторону этого кризиса.

Первый аспект – относителен, так как касается территории (государства) и зависит от его мобильности – теоретической оснащённости, от психологического типа ориентации населения, от уровня культуры, от уровня технологии и т.п.

Второй аспект – абсолютен, так как связан со временем (*с эпохой*) – связан **со старением экономической субстанциональности вообще**. Этому последнему обстоятельству у нас совершенно не уделяют внимания, будто его и нет. – Далее будут сделаны акценты в тех случаях, когда «экономисты об этом молчат», когда «экономисты обходят это стороной»... –

Проблему экономического кризиса надо брать целостно, по крайней мере – в двух аспектах: 1) необходимо понимание того, что «рынок» (регулируемый ли или нет; сама «регуляция» представляет собой функцию от уровня культуры и психологической типологии населения) не может отменить исторический аспект кризиса экономики. Подобно тому как в процессе внутриклеточного метаболизма (обмена веществ) нарастает диссимиляция, так и в «клеточке» капитализма, в клеточке экономики – в товаре, в товарно-денежных отношениях нарастает историческая усталость системы: усталость нарастает потому, что доминирует товарно-денежный, а не человеческий, не гуманистический момент системы.

Регулируемый рынок «преодолеывает» эту «усталость» только **по видимости**, «преодолеывает» только тем, что всё больше поощряет человека мириться с его положением товара, с его положением *средства* товаропроизводящего процесса – фактора отчуждающей системы.

Но это отчуждение человеческой сущности от человека, во-первых, имеет свой исторический предел (который в различных этносах различен!) и, во-вторых, вместе с «рынком» – как процессом тотально экономическим – неизбежно нарастание экологического кризиса, который неотделим от экономики как системы, заведомо противостоящей природе – в силу самих принципов своего функционирования, – это нуждается в разъяснении, так как у нас в стране (да и в мире) на слово «экономика» сегодня включается так сказать **«рефлексия» на уровне поджелудочной железы**: с «экономикой» связывают факт пустых магазинных полок и того, что скоро нечего будет есть.

Но если уйти от «рефлексии поджелудочной железы» и вообще от «рефлексии, когда слюнки текут», и подняться до уровня **действительного мышления**, до «силы абстракции», которую Маркс считал необходимым условием анализа «экономических форм», ТО надо выстроить следующую **цепочку** причинно-следственных связей:

1. Экономика прежде всего выявляет себя в **меновый стоимости**, которая сопряжена с потребительной стоимостью вещи (товара).

2. «Экономика» подразумевает и предполагает общество, в котором все его члены связаны **ОБМЕНОМ** продуктами своего труда, а обмен и, следовательно, меновая стоимость, обусловлены **ОБЩЕСТВЕННЫМ РАЗДЕЛЕНИЕМ ТРУДА**, которое означает смену способа производства,

бытовавшего в семейно-родовом обществе, основу которого составляло ЕСТЕСТВЕННОЕ разделение труда (и *естественная технология*).

«Основой всех существовавших до сих пор способов производства было разделение труда...»¹⁴

«Разделение труда» – фундаментальнейшая категория философии истории, позволяющая приблизиться к пониманию смысла истории

3. Разделение труда зависит от характера технологии, которой располагает общество. Экономика, с её обменом и меновой стоимостью – как её важнейшими атрибутами – является следствием общественного разделения труда, которое, в свою очередь, **зависит от ТИПА технологии, который адекватен экономике, поскольку есть экономическая эпоха истории общества.**

4. **ТИП технологии**, который адекватен экономике (или экономика как тип общественных связей людей, реализующихся через обмен и меновую стоимость) вырезается в том, что это – **неорганические технологии**, реализующие в производственных целях механико-физико-химические эффекты и формы движения материи. Именно из этих неорганических технологий, из их частичной технологической эффективности, вытекает обмен (и меновая стоимость), ибо из этого вытекает общественное разделение труда.

И из этих же неорганических технологий, из их чудовищно возросшего удельного веса в среде обитания и влияния на всю окружающую органическую среду вытекает современный экологический кризис как кризис живой органической клетки, составляющей субстанцию жизни на Земле.

5. Экономика, если посмотреть на неё технологически и видеть её истоки, есть такой процесс, когда живая природа и живая органическая клетка включены и подчинены функционированию другой «клетке» – товару и товарообмену как «клеточке» капитализма, который представляет собой наиболее полное выражение экономики, ибо обмен и меновая стоимость как наиболее характерные атрибуты экономики – заданы и обусловлены *частичной* функциональной значимостью неорганических средств труда, определяющих профессиональный характер труда отдельного человека.

Отсюда и проистекает знаменитая характеристика Маркса, что человек в сфере экономики выступает как «часть частичной машины»¹⁵. Точно так же – **частичной** технологической функциональной значимостью различных орудий труда (механических, физических, химических) определяется и характер **разделения труда**. «Труд организуется и разделяется различно, в зависимости от того, какими орудиями он располагает».¹⁶

6. И, наконец, чтобы окончательно уяснить вопрос о природе экономического начала как детерминированного **общественным** разделением труда (которое, в свою очередь, зависит от характера технологии), – необходимо сказать о **ТИПАХ** технологии. Следует различать:

а) **Естественную технологию** (которой соответствует **естественное** разделение труда). **Эта технология целостна**, так как она имеет в качестве своего метаболизма процессы,

¹⁴ См. Энгельс Ф. Анти-Дюринг, М.: Политиздат, 1938, с. 304. Позднейшие переводы – неточны.

¹⁵ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 434, 433.

¹⁶ См. там же, т. 4, с. 152, с. 133.

происходящие в клетках и тканях живого организма. В результате этих процессов образуется **целостный конечный продукт** и притом – сразу, в одном «очаге производства», скажем, в растении (колос пшеницы, клубни картофеля) или в организме животного (молоко, мясо, мёд).

б) Второй тип технологии был уже рассмотрен выше. Это **неорганические технологии**, порождающие обмен и меновую стоимость в силу **частичности** технологического эффекта средств труда, основанных на законах механики, физики, химии. Именно эти технологии являются истоком экономики, которой *имманентно* присущи обмен и меновая стоимость.

в) Третий тип технологии только возникает. Это не просто технология производства, а технология РАЗВИТИЯ, которая включает в себя производство. Её можно назвать **социальной технологией**. Его главная задача – формирование новой культуры труда, ибо труд есть основа социальности. Её смысл – переход от труда, имеющего двойственный характер, к труду, имеющему тройственный характер.

Её «продукция» – высшие ценности: всесторонне развитый человек, новый тип коллективизма, новый тип богатства, словом, новый тип производства и развития действительной жизни.

В истории всегда наблюдается определённое тождество технологии и организации социума. Для третьего исторического типа труда как субстанции общества будет характерно ДОМИНИРОВАНИЕ органических технологий (биотехнологических процессов высшей организации, аналогичных фотосинтезу; социальной технологии, которая заключается в применении законов гуманитарных наук, – как наук о человеке, обществе и их взаимосвязи; – для формирования высоких форм развития индивида и ассоциации людей, которая сосредоточена на развитии талантов; интеллектуальных технологий, в основе которых уже сегодня мы различаем то, что называется «искусственным интеллектом», и сила этой технологии будет направлена не в сторону утилитаризма и меркантильности, а в сторону гуманизма и возвышения значения личности), и этот МОМЕНТ должен постоянно витать в нашем понимании как предпосылка для уяснения того, к чему объективно движется общество, и с этим сообразовывать перестройку. В условиях отношений собственности (Т.Е. – в экономике) доминирует вещь, отношение к вещи; в условиях будущего общества должна доминировать личность – гуманистические отношения людей, и достичь этого состояния можно только через развитие органических технологий, через актуализацию отношений развития.

Вопрос вопросов состоит в том, полагаем ли мы реформировать наше общество в духе методологии закона «отрицания отрицания», или же мы стремимся лишь к количественному росту экономических показателей?! Иными словами: решаем ли мы наши перестроечные проблемы путём РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИУМА, или же реформирование общества мыслится как сохранение его СТАТУС-КВО?!

Все разговоры и парламентские прения о праве собственности основаны на недоразумении – на непонимании, что невозможно изменить типологию собственности, не изменив типологию деятельности (типологию труда). Непонимание коренится в том, что перестройка означает переход в новую МЕРУ материально-культурных общественных отношений.

Тот нищенский уровень теоретической культуры социального познания и социального мышления, который утвердился в нашей стране в результате сталинской интерпретации марксизма в «Кратком курсе» (и в послесталинских учебниках по общественным наукам, которые и после XX партсъезда во многом сохранили прежний уровень мышления), – не позволяет нам сегодня понять два теоретически чрезвычайно важных момента:

1) что социализм в логическом плане есть не отрицание капитализма (не его «антитезис», если воспользоваться гегелевской лексикой), а – «отрицание отрицания», т.е. – «синтез» и именно – «синтез» всего предшествующего исторического развития человечества;

2) что социализм, понимаемый не как партийная идеологема а как БУДУЩЕЕ человечества – по самой логике перехода к этому БУДУЩЕМУ – должен основываться **НЕ на отношениях собственности** (общественной ли или же – частной), а на диалектическом снятии отношений собственности вообще. Поэтому споры в нашей печати и в нашем Парламенте «по вопросу о собственности» (как у нас говорят, обнаруживая непонимание, что допустимо говорить лишь о *праве* собственности) свидетельствуют, что в том освоении идеи социализма, которое имеется на сегодняшний день, мысль не доходит до понимания действительно фундаментальных начал социализма – до идеи, что **социализм – это новый тип деятельности**, то есть предполагает новую *субстанцию* общества. А субстанцией является историческая типология труда. В этом – все начала и концы.

Поскольку отношения собственности (частной или общественной) как **видовые** характеристики собственнического (= экономического) общества производны от определённого (общего для них) ТИПА деятельности, то это значит, что путём преобразования *вида* собственности невозможно достичь фундаментального (*субстанционального!*) преобразования социума: это не знаменует собой преобразования типа деятельности (не означает собой «отрицание отрицания» старого социума, опирающегося на старый тип труда, на старое разделение труда, на старый тип технологии). С удивлением приходится констатировать, что мысль наших теоретиков социализма «заклинило на собственности», будто они никогда не читали у классиков, что собственность – это «накопленный труд», т.е. – мёртвый труд, прошлый труд, что, следовательно, собственность производна от деятельности и что в буржуазном обществе прошлое (т.е. накопленный труд) господствует над настоящим (т.е. – над живым трудом), а в будущем обществе настоящее – над прошлым. (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 439). Следовательно, социализм как органическая эпоха будущего общества должна сосредотачивать усилия по своему становлению в направлении преобладания живого труда, т.е. деятельности, а не собственности.

К социализму вообще невозможно перейти «ОТ КАПИТАЛИЗМА», как это формулировалось в сталинские и послесталинские времена, то есть перейти, *непосредственно* отвергнув и отринув капитализм. Для того чтобы «перейти» к социализму, надо, в качестве первой предпосылки, «снять» *классовость* общества, а затем уже преодолеть «капитализм» как систему ценностных ориентаций – в качестве второй предпосылки становления социализма.

«Снять» классовость общества вообще можно, только преодолев старое разделение труда (ибо «в основе деления на классы лежит закон разделения труда»¹⁷). Но чтобы его «снять», необходимо ассоциировать труд (сделать его из разделённого объединённым). А это невозможно, пока средства производства обладают *частичной* технологической функцией, то есть – лишь внешне и **частично** преобразуют предмет труда (в том числе и человека, поскольку он, – по закону обратных связей, устанавливающимися в процессе производства, – выступает и как «предмет или объект труда»). Следовательно, преодолеть старое разделение труда можно лишь на почве «синтетических» (= органических) технологий, которые должны стать доминирующими, развившись **над** технологиями неорганическими (механико- физико-химическими), ибо органические технологии, при их преобладании – в смысле влияния на формирование человека – могут оказать решающее воздействие на «снятие» старого разделения труда и, следовательно, на

¹⁷ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 293.

«снятие» классового общества. «На место классов и классовых противоположностей, – как писали Маркс и Энгельс ещё в «Манифесте» (1848 г.), – приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Но ассоциация (т.е. нечто снимающее классовость) с неба не падает и само собой не приходит: необходимы предпосылки и активная работа по созданию этих предпосылок... и *понимание*, какого они рода, какие атрибутивные свойства эти предпосылки должны иметь... То есть: необходима не только развёрнутая теория, но и *теоретический склад интеллекта*, воспринимающий эту теорию, что отнюдь не частое явление в нашем социуме... Не просто так и не «почему-то» у нас до сих пор нет этой теории, нет «обновлённого марксизма», – как сказал В.И. Толстых, – и на этот счёт «толком никто ничего не сказал по сей день».¹⁸

В нашем обществоведческом научном обиходе отсутствуют многие логические цепи идей, в частности, почти начисто отсутствует понимание актуально-теоретического значения того влияния, которое оказывает характер технологии (а к тому же нет понимания, что «характер технологии» – категория историческая!) на разделение труда и на грядущее ассоциирование труда. – По последнему предмету в «мозговых извилинах» нашего обществоведения ситуация такая, что буквально, «хоть шаром покати», то есть: «зацепиться» не за что. – Разделение труда считают вечным.

У нас просто произносят: НТР, НТП¹⁹ и далее не вдаются в более глубокое аналитическое исследование этих феноменов, а тем более не поднимаются до различия (хотя бы до названия различий) и до определения ЗНАЧЕНИЯ понятий *неорганических* и *органических технологий*, вводимых автором этих строк... в надежде «помочь разобраться» на уровне понятийного мышления...

И уж, конечно, не поставлен вопрос «о социально-историческом смысле» этих различных технологий... никто не оценивает их (БУДТО ИХ и НЕТ!) с точки зрения их консервативного или революционного влияния, полагая, видимо, вслед за Е. Дюрингом, что разделение труда «неустранимо по природе вещей» (и что «разделение труда повышает производительность труда»). – И так далее и тому подобные догмы. – Это область, в которой вопросы висят гроздьями, как гроздья калины на фоне первого снежного покрова... Назову только некоторые: вопрос о целостности НТР в связи с вопросом о достижении адекватной социализму целостности труда; вопрос о социально-культурной стратегии государства, ибо культура целостного труда есть основа всей будущей культуры общества; с этим же связана и разработка стратегии технической политики, ибо, кроме традиционных технологий, надо иметь в виду, что есть ещё (должна быть!) социальная технология, биотехнологии и информационные (интеллектуальные) технологии, которые приобретают всё большее значение и практическую ценность. Реализация традиционных зависит от развёртывания как раз этих – нетрадиционных. А это означает – отрицание отрицания... Вообще «переход к социализму» у нас никогда не был продуман в соответствии с законом «отрицания отрицания».

Сама история в её практическом воплощении повседневных дел не была сообразована с логикой «отрицания отрицания». И до сих пор где-то в глубинах «теоретического подсознания» сохранились сталинские штампы подхода к социализму как к теоретической проблеме. В сознании Сталина, как известно, диалектика «отрицания отрицания» отсутствовала полностью. Об этом говорит IV глава «Краткого курса».

¹⁸ См. «Умер ли марксизм?» «Вопросы философии», 1990, № 10, с. 19.

¹⁹ НТР – научно-техническая революция; НТП – научно-технический прогресс. (Прим ред.)

Самый существенный вывод, который должен быть сделан из всего этого «сплетения гносеологических обстоятельств», – вырисовывается как цепочка умозаключений.

а) в выработке ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ нашей перестройки надо *подняться от прагматизма к эвристике*.

Так, например, когда в 1985 г. было принято, что ЦЕЛЬЮ перестройки является – «накормить страну» и обеспечить удовлетворение других потребностей населения, а СПОСОБОМ достижения этой цели объявили РЫНОК, то это был *прагматический* подход, за которым прячется установка сталинского пресловутого «основного экономического закона социализма»;

б) субъективистское целеполагание (в основе которого удовлетворение *субъективных* потребностей индивидов нашего общества) не могло не вести к тому, «чего никто не хотел», т.к. оно игнорирует *объективные* потребности нашей эпохи²⁰. А это, разумеется, не может проходить бесследно.

в) «*объективные* потребности нашей эпохи» это понятие, которое не присутствует ни в одной «реформаторской голове» нашего общества; во всяком случае, об этом никто не писал и не говорил ни на каких форумах. А между тем, стоит только этот термин употребить, произнести его вслух, как становится ясным, что без него наше понимание общественной жизни становится ну что ли «полупустым». Ведь ясно же, что жизнь как социальный процесс, как целостность, имеет и объективную сторону, то есть, что у жизни есть потребности (тенденции, необходимости), не зависящие от воли и сознания людей. Как только осознание этого факта осенит наше сознание, так тотчас же должен возникнуть вывод о том, что управление обществом (производством) должно соотносываться не просто с субъективными потребностями индивидов, но ЕЩЁ И с объективными потребностями времени, ибо общество **как целостность, существующая во времени**, имеет свой логос, свой дух, свой закон, соотнесённый со временем. И не считаться с этим просто нельзя: это сделало бы (и часто делает) нашу перестроечную практику просто слепой и неадекватной. Таким образом, удовлетворение субъективных потребностей индивидов, живущих в обществе, надо осуществлять во *взаимодействии* с целостностью общества – в соответствии с ОБЪЕКТИВНЫМИ тенденциями (= *потребностями*) **самого общества как целостности**. В свете сказанного, сегодня было бы просто неосмотрительно (и некорректно в научном отношении) – исходить **лишь** из того, что люди хотят есть, одеваться, иметь жилище и т.д. и применять с этой целью **лишь** такой **способ ЕЁ осуществления** как РЫНОК; всё это – субъективистская методология, ограниченная в своём понимании специфики современности и реализующая в недостаточной мере ресурсы человека, его творческий потенциал, т.к. она опирается **лишь** на эгоистические мотивы поведения индивидов, но отнюдь *не на все возможности человека* – не на гуманизм социалистического образа жизни (если мы хотим иметь в виду действительный социализм!).

У человека, живущего в обществе, есть потребности не только в вещественных благах (из чего, собственно, и состоят субъективные потребности индивидов), но есть ещё и потребность **в самом обществе** – *в его эффективности как системы формирования образа жизни*; при этом – такая потребность в самом обществе зависит от исторического времени и выступает как комплекс объективных потребностей эпохи. Сегодня для нашего общества, осознавшего необходимость «перестройки», такой комплекс состоит в том, чтобы он мог, был способен повысить уровень способностей людей, обеспечить развитие талантов и условий их реализации, повысить сам уровень дееспособности общества в целом и производственных коллективов в особенности. Ясно,

²⁰ Эти две категории, вводимые в обиход автором этих строк, совершенно необходимы, чтобы ПОНЯТЬ современную историю.

что это – **объективные потребности**, так как они НЕ зависят от воли и сознания индивидов (и часто даже не осознаются ими). Но без этого сегодня не решить той массы проблем, которая растёт, как снежный ком, и которая заявляет о себе во всех сторонах нашей практики. Ни экономические проблемы, ни задачи НТП, ни экологические угрозы и т.д., не могут быть решены без повышения общей дееспособности социума, без роста (громдного всплеска!) талантов, без создания условий для их реализации и т.д.

Таким образом, установка на удовлетворение субъективных потребностей индивидов (**как целеполагание**) и рынок (**как способ реализации** этой цели) – это лишь первый шаг («тезис»).

Вторым шагом («антитезис») надо признать установку на реализацию объективных потребностей эпохи: развитие способностей и талантов, повышение общей дееспособности массы людей и коллективов – повышение гуманистической эффективности общества в целом.

Но чтобы возникло **новое общество**, в котором будет преобладать гуманистическая ориентация (а не экономическая, не меркантильно-потребительская, как сейчас), – назрела именно эта – гуманистическая – ориентация, ибо надо все силы устремить к тому, чтобы обеспечить расцвет талантов (а не рост тугих кошельков), – необходимо **развить фундамент общества – труд**. Одними педагогическими средствами невозможно вызвать мощный всплеск талантов, создать мощный массив творчески-талантливой деятельности, БЕЗ КОТОРОЙ современное человечество просто не сможет выстоять перед натиском возникающих угроз. **Поэтому надо активно формировать новый исторический тип труда**. Ибо, как известно, труд СОЗДАЛ САМОГО ЧЕЛОВЕКА.

Это и есть третий шаг («синтез»).

Как это ни странно, но понятие труда после Адама Смита и Карла Маркса не привлекало к себе внимания уже более 125 лет. О труде знают только то, что это процесс, опосредствующий обмен веществ между человеком и природой.²¹ И такое, *физиологическое*, определение почему-то всех устраивает, хотя современная НТР и возникшие глобальные проблемы, давно уже требуют, чтобы иметь социально-философское и социально-историческое понимание феномена труда, к уяснению чего можно найти высказывания и у Маркса и у Энгельса. Поэтому полезно дать сегодня определённую разработку этого понятия.

Прежде всего сегодня важно подчеркнуть, что труд – это процесс, который создал самого человека и продолжает его формировать. Это – с одной стороны. Но современная эпоха, находящаяся на грани становления новой цивилизации, не может полностью осуществить себя, если мы не осознаем, что без формирования новой типологии труда *человеком* невозможен переход из царства необходимости в царство свободы. И осознание этого обстоятельства составляет важнейшую парадигму перестроечного целеполагания: теория перестройки просто невозможна, если мы не примем в качестве важнейшего её постулата установку на то, что человек (перестраивающееся общество) должны принять на себя функцию преобразователя типологии труда, доставшейся нам от капитализма. Это главное в современной концепции социализма, это главное в содержании «перестройки». Без этого «перестройка» просто пуста. Таким образом доперестроечное состояние: труд формирует человека, а перестроечное целеполагание состоит в том, что **и человек перестраивает труд**. Такова диалектика перестройки, её философия в сжатом виде.

²¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 195. Именно эту страницу чаще всего цитируют, когда речь идёт о труде.

Теперь к феномену труда надо подойти ещё и исторически (и логически). Необходимо сформулировать логическое определение понятия «труд» как сочетание существенных признаков этого понятия. Таких существенных признаков представляется целесообразным и достаточным выделить пять, а исторических типов труда – три.

Каждый из исторических типов труда как понятия обладает своими *специфическими* пятью существенными признаками; каждый последующий исторический тип труда включает и **сохраняет в себе** предшествующий исторический тип труда.

В данном случае целесообразно прибегнуть к модельному определению понятия труда, воспользоваться методом моделирования, как это было сделано на стр. 8 и стр. 9 по вопросу о субстанциональности. Итак, существенные признаки понятия «труд»:

1) технологический признак: для каждого типа труда характерна деятельность посредством рук и орудий, и у каждого исторического типа труда – **специфическая орудийная** оснащённость и деятельность, а также – использование природных техногенных процессов;

2) второй признак охватывает содержание ценностных ориентаций процесса труда. У каждого исторического типа труда ценностные ориентации специфичны; есть и средства выражения ценностей;

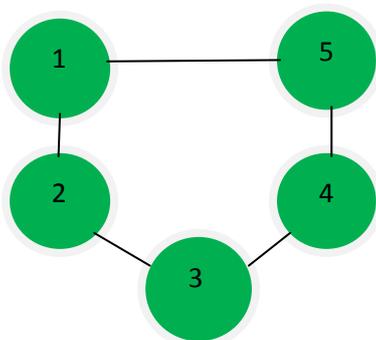
3) характер коммуникативных связей между людьми в процессе труда – это третий признак; при этом есть и средства коммуникаций;

4) характер эстетической деятельности социума, который осуществляет процесс труда (у первобытных – наскальная живопись, у наших современников Сальвадор Дали, Пикассо и т.д., а также – дизайн и т.п.);

5) коллективный образ жизни и деятельности, который является **важнейшим признаком труда**, ибо труд – процесс коллективный, социальный, труд – основа социальности человеческого рода; естественно, что **типы** коллективности исторически специфичны, и их, собственно, – три: а) семейно-родоплеменной, б) классовый, имеющий несколько **видов**, в) будущий – ассоциативный тип, зарождающийся уже сегодня.

Каждый исторический тип труда следует представить как **целостность** перечисленных выше существенных признаков.

Первый исторический тип труда, возникший на заре истории человеческого общества, можно представить следующей моделью:

Для технологии 1-го исторического типа труда чрезвычайно важно отметить не лук и стрелы и не каменный топор, а использование естественных технологий природы (фотосинтез и

биосинтез), которые давали людям средства к существованию, хотя люди и не могли оценить этот факт с технологической точки зрения.

Сегодня уже прочно сложился определённый штамп понимания: когда говорят «техника» и «технология», то думают о чём-то железном, что это – «железные конструкции». Такой штамп в сознании – следствие влияния опыта «индустриальной цивилизации».

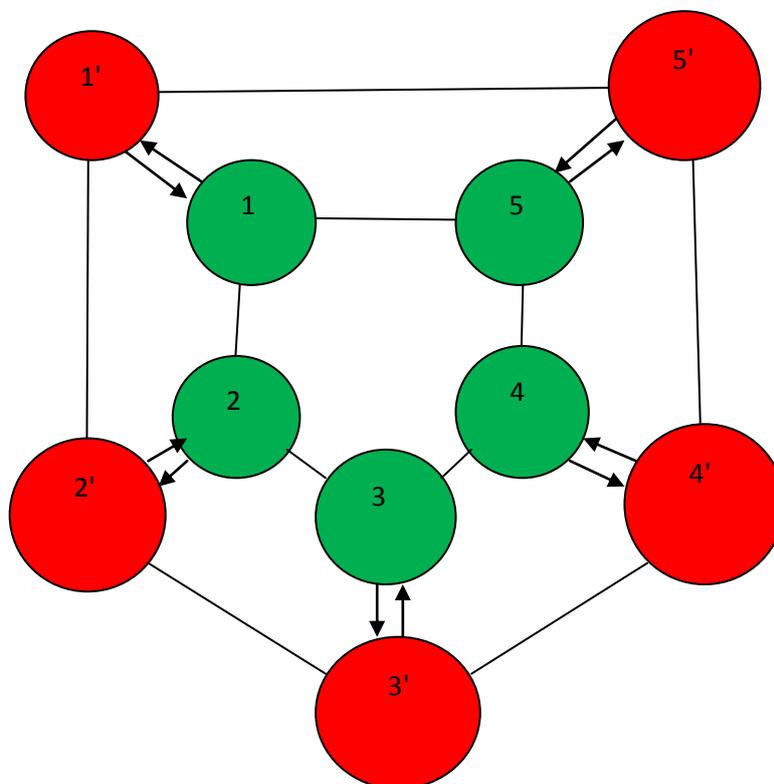
Но для существования семейно-родового общества, да и современного неизмеримо более важны процессы естественного плодородия почвы и «продукты» растительного и животного мира. Ведь ясно же, что ни лук со стрелами, ни каменный топор, ни рыболовные снасти **ничего не создают**, не производят, хоть их и называют «средствами производства». Они служат лишь инструментом ДОБЫЧИ того, что создала природа при помощи своих «ТЕХНОЛОГИЙ».

Этот факт чрезвычайно важно никогда не упускать из сферы эвристического отношения к перестройке, потому что надо определённо понимать «философию созидания», когда мы сегодня думаем о комплексе проблем страны и о той технологии, с позиции которой наша мысль способна прийти до корней понимания проблемы ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ.

Если в первобытном обществе естественные технологии выступают как ТЕЗИС (исходное положение), то в нашу эпоху (на грани новой цивилизации), естественные технологии должны быть развиты как синтез всего их предшествующего культивирования, включая и их искусственное воспроизведение в системе организации производства будущего общества.

В качестве способа коммуникации здесь служила *звуковая* речь, координировавшая их действия, например, во время охоты.

Второй исторический тип труда имеет следующую целостность:

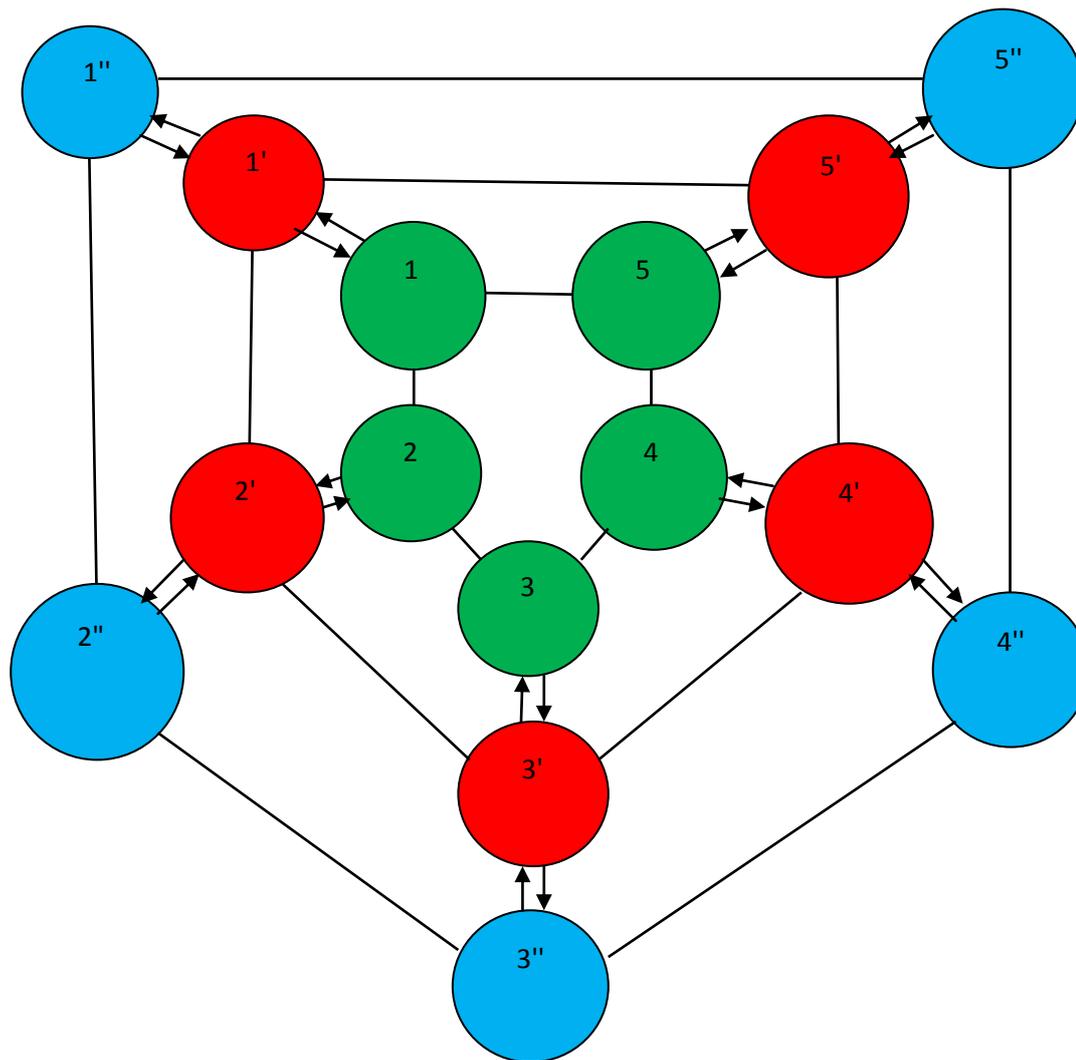

Характерный признак технологии второго исторического типа труда – это *система машин* и вообще использование всего комплекса, механико-физико-химических способов извлечения и

использования вещества и энергии для получения утилитарных ценностей и меркантильной *выгоды* (прибыли в её денежной форме). Эта технология *антиэкологична*.

В качестве специфического способа коммуникаций здесь возникает письменная речь, а затем и книгопечатание, а затем и радио, и телевидение, и видеозапись, что чрезвычайно интенсифицирует *способ общения* между людьми. Маркс считал важнейшим видом богатства людей – «*богатство общений*». Таким образом, с его точки зрения, «железный занавес», Берлинская стена и ущемление гласности расценивались бы им сегодня как формы политического идиотизма.

Третий исторический тип труда имеет следующую целостность:

Специфическим признаком технологии, характерной для 3-го исторического типа труда, является постепенное и всё более полное воспроизведение в искусственных условиях – естественных технологий природы (фотосинтеза и биосинтеза, генной инженерии). Уже сегодня возможно заставить бактерии производить инсулин. В конце 1988 года три западногерманских химика получили Нобелевскую премию за синтез молекулы, ответственной за фотосинтез. В ней содержится 10.000 атомов. Движение технологии в этих и других аналогичных направлениях приведёт в конечном счёте к созданию значительного массива органических технологий, которые по природе своей экологически гармоничны с метаболизмами естественной природы и составят в конце концов комплекс НЕГЭНТРОПИЙНЫХ технологий. Мало кто отдаёт себе отчёт в том, что существующие (механико-физико-химические) технологии – являются энтропийными, т.е.

протекают с рассеиванием энергии и вещества, чем, собственно, и создаётся хаос в биосфере, ибо масштабы и мера воздействия неорганических технологий сравнимы ныне с геологическими катаклизмами. Как антропогенные нынешние технологии **к тому же** протекают в **масштабах социального времени**, то есть – очень быстро по сравнению с геологическими и биологическими процессами архейской, палеозойской, мезозойской и кайнозойской эр биоистории Земли и её геологической истории.

Все нынешние (механико-физико-химические) технологии основаны на сжигании органического топлива, накопленного на планете в результате биосинтетических процессов, протекавших как работа живой органической клетки. Этот факт до сих пор никак не присутствует в учебных курсах технологии наших технических вузов, несмотря на то, что он имеет базисное, фундаментальное значение для понимания философии технологии, для определения перспектив технологии. Все механико-физико-химические технологии – вторичны, как и тот тип труда, который они обслуживают и который имеет двойственный характер. Термодинамическая составляющая этих технологий была бы просто невозможна, если бы не было органического топлива, созданного жизнедеятельностью органической клетки – процессом жизни растений в течение сотен миллионов лет. Теперь этот «труд» растений пускают буквально на ветер, если учесть, что КПД самой совершенной тепловой электростанции всего 40%. Известно ведь высказывание Д.И. Менделеева о том, что топить нефтью – значит топить ассигнациями. Из этого и проистекает двойная угроза парникового эффекта, так как прямой разогрев атмосферы и увеличение среднегодовой температуры, а также увеличение CO_2 влечёт за собой ещё и возгонку CO_2 из толщ мирового океана, где этого газа в 60 раз больше, чем в атмосфере Земли. А это делает разогрев автоматическим процессом.

Фотосинтез – единственный процесс на Земле, который протекает со связыванием CO_2 и с утилизацией тепловой энергии Солнца, являя собою чудо негэнтропийного совершенства. Современные же технологии представляют собой способы варварского разрушения экологической гармонии жизненных процессов на нашей планете.

При оценке технологии как феномена социального (а социальные феномены, как известно, изучаются гуманитарными науками), сегодня можно и надо сформулировать **три параметра**, с позиции которых определить, **как** относиться к технологии, т.е. как строить «техническую политику» в духе перестройки:

- 1) влияние данного типа технологии на производительность труда;
- 2) влияние технологии на формирование личности (развивает ли технология личность в плане универсализации её способностей и компетентности);
- 3) влияние технологии на состояние экологической гармонии в биосфере.

В современных условиях ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ давно уже перестала быть явлением чисто технологическим или экономическим, когда этот феномен сводится к фабрикации товаров. Сегодня ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ, если мы берём её на уровне социально-философской концепции, и *тем самым* хотим понять эпоху в её сущности, – *теряет смысл*, **если** при этом загрязняется окружающая среда, **если** при этом профессионализация человека наносит ущерб возможностям развития его как личности и – универсальному развитию его способностей, его культурной эволюции, **если** при этом не совершается развития самого труда (а – через это – не совершается развития гуманистических отношений в обществе, не формируется система новых ценностных ориентаций личности, не формируется новое понимание богатства).

Что это за *производительность*, если она экологически разрушительна, если она враждебна личности и её расцвету, если она не включает в себя условий *развития* самой субстанции социализма?!!

А ведь именно таким (*отвлекающимся* от всех этих важнейших аспектов понимания – и активного отношения к – нашей перспективе) остаётся сегодня толкование *производства*, *производительности* и *технологии* в нашей публицистике, в политике, в Парламенте...

Когда-то ещё в 70-е годы XIX в., Е. Дюринг выступил с формулировкой «*естественного закона* разделения труда», которая гласила: «Расчленение профессий и разделение деятельности повышает производительность труда». ²² Ф. Энгельс подверг это высказывание критике, а затем более 115 лет проблема «повышения производительности труда» решалась в общем на дюринговских началах и никому в голову не приходило заняться актуализацией в общем-то весьма примечательной критики Ф. Энгельса в адрес Е. Дюринга.

И только в наши дни конца XX века складываются условия и предпосылки для критики утилитарно-меркантильного понимания «производительности труда», как её понимал Е. Дюринг (и как её до сих пор у нас понимают миллионы людей, остающихся на позиции обыденного сознания).

Дело в том, что когда у нас (в нашем желающем перестраиваться обществе) произносятся слова «производительность труда», то имеют в виду **производительность труда, ПРОИЗВОДЯЩЕГО ТОВАРЫ**, ибо никакому иному пониманию труда наши общественные науки вот уже более 73 лет не учили и никакого иного *понимания* труда не распространяли.

К этому надо добавить, что вся конкретика и вся социально- философская нюансировка проблемы труда в XIX веке не была актуальной (**в том смысле**, как она актуальна сегодня для нас) и для самих Маркса и Энгельса, ибо тогда не было экологических угроз и **практически** не стояли проблемы всестороннего развития личности и проблема **практического** преобразования наличной типологии труда. И всё же из целостности их теоретических разработок можно определённо установить, что они не сводили понятие труд к «труду, производящему товары». И именно на это, более глубокое, понимание труда опирается критика Ф. Энгельса в адрес Е. Дюринга. Имея в виду формулировку о том, что разделение деятельности и профессий повышает производительность труда, Ф. Энгельс писал: «Эта формулировка ошибочна, так как она верна лишь для буржуазного производства, причём разделение специальностей уже и тут ограничивает развитие производства вследствие уродования и окостенения индивидов, в будущем же оно совершенно исчезнет». ²³

Из этого видно, что Ф. Энгельса беспокоит проблема **развития производства** и проблема **развития индивидов** как напрямую в отрицательном смысле связанные с фактом разделения труда. Иными словами: разделение труда выступает как причина, препятствующая развитию труда, препятствующая развитию способностей личности, препятствующая развитию производительности труда.

²² Цитирую по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 654.

²³ См. там же.

Само же разделение труда, как уже говорилось, зависит от характера технологии, от характера средств труда²⁴: и именно от того, что они обладают ЧАСТИЧНОЙ технологической функцией.

Из этого следует, что для преодоления разделения труда и всех его негативных последствий необходимо вводить технологии, функциональная значимость которых обладает целостным эффектом. И *начинать* вводить их надо уже сейчас, ибо **начинать это в XXI веке будет поздно.**

В свете предупреждения Ф. Энгельса о том, что разделение труда и разделение специальностей «ограничивает развитие производства» (и, следовательно, – развитие производительности в её современно-необходимом понимании) напрашивается вывод, что **в качестве приоритетов в нашей долгосрочной технологической стратегии ставку надо уже сегодня делать на создание ВСЯЧЕСКИХ предпосылок к развёртыванию тонких биохимических технологий – созданию предпосылок искусственного воспроизведения в промышленных масштабах технологий, аналогичных функционированию живой органической клетки.** Ибо их *целостный* характер является детерминирующим условием для преодоления старого (= буржуазного) разделения труда. С целью решения этой фундаментальной научной и технологической задачи необходимо организовать международное сотрудничество. И сама организация такого сотрудничества есть приоритетнейшая политическая задача СОВРЕМЕННОСТИ!

Ключевым фактором решения этой задачи создания органических технологий негэнтропийного типа является, конечно, формирование достаточного потенциала талантов, что само по себе является делом, которое заслуживает того, чтобы отнести его к области компетентности «*социальной технологии*». Это – в известной степени условный (а точнее – метатеоретический) термин, так как он предполагает, как это характерно для любой технологии, применение определённых теоретических разработок для достижения определённого практического эффекта. «Социальные технологии» в этом смысле – есть применения данных гуманитарных наук, сосредоточенных на развитии талантов в среде молодого поколения общества прежде всего и для поддержки инициативы и изобретательства вообще.

Для того чтобы это дело двинуть, необходима прежде всего убеждающая работа, доказывающая, что это – исторически необходимо (ибо без развития «силы талантов» человечество не справится с многочисленными угрозами, которые породила предшествующая история). Во-вторых, необходимо научно доказать, что задача **массового** формирования талантов – не только следствие исторической необходимости, но и возможное дело. До сих пор, к сожалению, гуманитарные науки рассматривались преимущественно в плане их просветительской функции – ситуация, при которой XVIII век как век Просвещения продолжает существовать и в наши дни. Но эта беспечность в отношении практической значимости гуманитарных наук неизбежно обернётся громадными общественными потерями и в конце концов – катастрофой. Поэтому уже сегодня необходимо начинать развёртывание гуманитарных технологий в комплексе «социальной технологии», т.е. практическое применение научных разработок для достижения практического эффекта в деле становления нового человека – под эгидой Комитета по народному образованию и соответствующих структур Верховного Совета Союза и республик. В рамках данной публикации невозможно, конечно, высказать всё. Но некоторые гуманитарные дисциплины можно назвать уже здесь. К ним относятся: психология способностей, психология и социология семьи, психология и социология преступности (поскольку здесь затрагивается

²⁴ См. там же, т. 4, с. 152, 133.

область, через которую из нормального образа жизни ежегодно уходят сотни тысяч людей, начиная с подростков), психология и социология малых групп, психология творчества...

Сюда можно отнести, например, и **философию жилищной проблемы**, ибо от того, как решается «жилищная проблема», **как** устроено жилище, **как** организовано (по каким критериям, в связи с какими ценностными ориентациями, в связи с каким целеполаганием) расселение людей в городе, – очень многое зависит, ибо жилище, его устройство и «теория расселения» могут работать как величайшая созидательная сила, а могут ущемлять *потенциал личности* индивида и быть преградой на пути творческого ассоциирования людей. Жилище у нас сведено просто к функции «крыши над головой», но отнюдь НЕ *рассматривается* с точки зрения **средства развития способностей** и с точки зрения **отношений развития труда**. В нашем обществе, претендующем на социалистическую идею и «социалистический выбор», отсутствует теория современного социализма вообще и **теория жилищных отношений**, в частности, **как пример многих других частных гуманистических теорий**. Нет, например, понятия «жилищного времени». Не установлено, что **жилищное время** может быть *пустым*, а может быть *свободным*, то есть – **наполненным возвышающей человека деятельностью** (что, разумеется, предполагает определённую ассоциацию людей и *средства развития* их способностей).

Жилищное время у нас – это никакое время. Большинство людей оно не осмысливается никак – даже с утилитарно-меркантильной точки зрения, т.е. – по принципу «время – деньги». За воротами фабрики, за пределами проходной предприятия время как форма существования «социальной материи» – вообще не подпадает под влияние какой-либо культуры, какой-либо экономики, или какой-либо организации. Гуманитарной технологии использования вне рабочего и свободного времени как социально-ориентированной технологии нет, потому что соответствующие разработки на базе гуманитарных наук почти не осуществляются. Поэтому общество всё больше приобретает облик «общества упущенных способностей». А, следовательно, – и упущенных возможностей.